

ного искового заявления в суд, а осужденный должен прибыть к месту жительства, явиться в орган внутренних дел для постановки на учет, направлять дело по подсудности по месту убийства поднадзорного лица

нецелесообразно при условии, что орган внутренних дел по прибытии поднадзорного лица может подать административное исковое заявление об установлении административного надзора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старилов Ю.Н. Юридические обсуждения о пользе административного правосудия // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Сер. «Юбилей, конференции, форумы». Воронеж, 2013. Вып. 7. С. 13.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 г. № 898-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабалина Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”».

¹ Starilov Ju.N. Juridicheskie obsuzhdenija o pol'ze administrativnogo pravosudija // Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: razvitie teorii i formirovanie administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva. Ser. «Jubilei, konferencii, forumy». Voronezh, Vyp. 7. 2013. S. 13.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 г. № 898-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабалина Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”».

УДК 347.231.14

Меры защиты в состоянии крайней необходимости

Н.В. ЮЖАНИН – доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются актуальные вопросы самозащиты гражданских прав, публично-правовое регулирование крайней необходимости сравнивается с частноправовым, предлагаются изменения в компенсационный механизм крайней необходимости.

Ключевые слова: защита гражданских прав; самозащита; меры защиты; самопомощь; юридический поступок; охранительное правоотношение; необходимая оборона; крайняя необходимость.

Protective measures in a state of extreme necessity

N.V. YUZHANIN – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the current issues of self-defense of civil rights, public-legal regulation of extreme necessity is compared with private law, there are proposed changes to the compensation mechanism of extreme necessity.

Keywords: protection of civil rights; self-defense; protective measures; self-help; legal action; protective legal relationship; self-defense; extreme necessity.

Самозащита гражданских прав как неюрисдикционная форма защиты может реализовываться различными правовыми мерами публично-правового и частноправового характера. Статья 14 ГК РФ допускает реализацию самостоятельной защиты

способами пресечения нарушения прав, хотя пандектному частному праву известны меры самозащиты восстановительными способами (меры так называемого дозволенного самоуправства, например право задержания вещей в закладе). Поэтому са-

мозаика как неюрисдикционная форма защиты гражданских прав значительно шире и не сводится лишь к пресекательным мерам защиты в состоянии опасности (необходимая оборона, крайняя необходимость). Тем не менее соотношение публично-правового регулирования подобных мер с частно-правовым представляет научный интерес. Институт крайней необходимости известен различным отраслям отечественного права, в том числе гражданскому (частному) праву.

Итак, одним из способов реализации одностороннего правозащитного поведения субъектов гражданского права пресекающего характера являются действия, совершаемые управомоченными лицами в условиях крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). В отличие от правозащитных действий в состоянии необходимой обороны, понятие которых ГК РФ не затрагивает совсем (повидимому, предполагается, что оно трактуется в уголовном законе), понятие действий в условиях крайней необходимости раскрывается частично. Закон дает довольно общую формулировку. Под действиями в состоянии крайней необходимости понимается «устранение опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами» (ст. 1067 ГК РФ). В указанной статье речь идет об уже причиненном вреде в состоянии крайней необходимости, то есть о том, как он будет возмещаться, если возник вследствие устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам. Детально характер правомерности осуществления самого правозащитного действия в условиях крайней необходимости, также как и при необходимой обороне, раскрывается в публичном праве. Поскольку устранение опасности реализуется в результате совершения защитных действий с причинением вреда, то чаще всего он не только причиняется публично охраняемым отношениям, но имеет и гражданско-правовые последствия. Характер же самой опасности, от которой осуществляется защитительное противодействие, не имеет четких очертаний какого-либо наказуемого деяния, а значит, отраслевой особенности (например, опасность в виде преступного нападения со стороны человека может квалифицироваться как преступление по уголовному закону, поэтому имеет отраслевую особенность уголовного права и образует самостоятельное понятие правозащитной меры в состоянии необходимой обороны).

Опасность при крайней необходимости исходит чаще всего от сил природы, физиологических экстремальных ситуаций, животных. Если речь идет об опасности, исходящей от нападения со стороны человека, то противодействие такому нападению будет являться уже не действием в условиях крайней необходимости, а необходимой обороной от преступного посягательства или оборонительной самопомощью пресекающего характера от реально осуществляемого гражданского деликта или нарушения вещного права (например, выдворение людей, незаконно находящихся в пределах вещного правообладания). Поэтому понятие опасности является межотраслевым. Например, опасность обвала скальной породы может одновременно угрожать различно охраняемым благам. Чаще всего вред имуществу, который должен быть компенсирован по правилам гражданского законодательства, причиняется одновременно с вредом отношениям, охраняемым уголовным или административным законом. Один и тот же источник опасности может грозить лицу, личности, правам данного лица, правам других лиц, охраняемым законом интересам общества и государства (согласно формулировкам характера действия опасности при крайней необходимости в уголовном, административном и гражданском законе). Поэтому понятие крайней необходимости есть в уголовном, административном и гражданском законодательстве. На долю гражданско-правового регулирования выпадает порядок возмещения гражданско-правовых последствий таких правозащитных деяний (ст. 1067 ГК РФ), которые часто причиняют гражданско-правовой вред. Понятие же самих действий в условиях крайней необходимости, вопросы их соразмерности и правомерности раскрываются в публичном праве (ст. 39 УК РФ, а также ст. 2.7 КоАП РФ).

Если рассматривать правовое явление крайней необходимости в рамках частного, а не публичного права, то явление действий в состоянии крайности в широком смысле можно обнаружить не только в случаях уголовно (административно) наказуемого причинения вреда, но и в обязательственных правоотношениях, когда в силу крайних обстоятельств возможно одностороннее совершение субъектом каких-либо действий, приводящих к определенному юридическому результату. В целом такие действия можно оценивать как явления вынужденности, однако главное их отличие от регламентированной в ГК РФ крайней необходимо-

сти – это отсутствие причиненного вреда. По своей природе вынужденные меры близки понятию крайней необходимости односторонностью, самостоятельным проявлением и оценкой ситуации. Данные правовые явления нельзя обобщить и поставить в один ряд с понятием крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ, когда речь идет о причинении вреда при осуществлении соответствующих действий, но их определенно объединяет механизм реализации, то есть односторонний самостоятельный характер. Таким образом, крайняя необходимость в гражданском законодательстве имеет целый ряд сходных с ней правовых явлений, а при широком подходе к ее пониманию последние также можно назвать крайней необходимостью. Однако, например, ст. 179 ГК РФ предусматривает признание недействительной сделки, совершенной при «стечении тяжелых обстоятельств», ст. 187 ГК РФ допускает передоверие представителем своих действий другому лицу, когда он «вынужден к этому в силу обстоятельств», ст. 616 ГК РФ предоставляет право арендатору произвести капитальный ремонт, вызываемый «неотложной необходимостью». Объединяет эти самостоятельные и односторонние решения и действия субъектов гражданского права явление крайности, непредвиденности жизненной ситуации и ее дальнейшего развития. Право не может игнорировать указанные жизненные ситуации и признает их оправданными, а следовательно, и правомерными, порождающими правовой результат. Во всех перечисленных случаях управомоченное лицо также действует при обстоятельствах, которые вынуждают его действовать определенным образом, причем односторонне, ссылаясь только на собственный правозащитный интерес, который может пострадать в случае несвоевременных действий. При этом из приведенных примеров видно, что законодатель употребляет здесь иные формулировки и не говорит о крайней необходимости. Особенность обстоятельств, которые современный закон относит именно к крайней необходимости, в сравнении с приведенными случаями с точки зрения гражданского права состоит в том, что устранение опасности при этих обстоятельствах не может быть осуществлено обычными способами и лицо, действующее в состоянии крайности и опасности, вынуждено использовать средства, связанные с причинением вреда. То есть при крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ защищающийся будет обеспечивать соб-

ственный интерес или интерес третьих лиц, только жертвуя интересами другого лица, причиняя ему вред. Отсюда появляется и законодательное условие правомерности крайней необходимости: причиненный вред должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный. Отличие вышеперечисленных случаев ст. 179, 187, 616 ГК РФ от крайней необходимости в форме ст. 1067 ГК РФ, то есть с причинением вреда, состоит также в том, что здесь отсутствует устранение существенной, реальной, то есть наличной и действительной, опасности. В таких ситуациях формулировки крайности значительно мягче: неотложность, непредвиденность, вынужденность. Таким образом, явление крайности действий субъектов гражданского права достаточно широкое, а специальные случаи, предусмотренные в законе, например передоверие полномочий в рамках поручения, совершение сделки при тяжелых жизненных обстоятельствах, регулируются отдельными нормами, и их не следует относить к явлениям крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ, ибо в данных мерах отсутствует главный признак – причинение вреда чужому интересу при защите субъективного права.

Можно заметить, что правозащитные действия лица в состоянии крайней необходимости, причиняющие вред, не всегда имеют в себе признаки публично наказуемого деяния, хотя чаще всего и содержат их. Если причиняется незначительный вред имуществу третьих лиц, то он может носить только деликтный характер, то есть возникает деликтное обязательство. Отражение такой опасности является пресекающей самопомощью в состоянии крайней необходимости (например, уничтожение оставленного кем-либо в чужом помещении или пределах чужого землевладения зловредного предмета, который не обязательно может угрожать причинением вреда жизни и здоровью человека). Однако чаще всего в условиях опасности на чаше весов оказывается жертвование значительным или незначительным имущественным интересом ради спасения жизни человека или недопустимости причинения вреда его здоровью различной степени тяжести, и само понятие опасности знаменует собой широкий спектр возможных угроз и последствий для лица. Тем не менее, в отличие от случаев необходимой обороны, защищающийся субъект вынужден противостоять опасности, которую невозможно квалифицировать как какое-то наказуемое деяние (посягательство). Опасность чаще

всего не имеет признаков человеческого действия, она возникает стихийно, оценить ее источник сложно. Например, если опасность исходит от животного, то защищающемуся непонятно, управляет ли преступно этим животным человек или поведение животного не связано с деятельностью человека; если с горы летят камни, неизвестна причина их падения – возможно, камнепад преступно управляется человеком. Поэтому на момент устранения опасности четкая объективная правовая квалификация характера защитительных действий вряд ли возможна (в любом случае происходит отражение реальной опасности, и действия по защите могут быть и обороной, и устранением опасности в крайней необходимости). Она изначально может быть связана только с причинением лишь имущественного вреда, а в дальнейшем породить более широкий спектр угроз для защищаемого субъекта. Например, опасность причинения незначительного вреда лишь имуществу (вещным правам) может перерасти в опасность причинения вреда здоровью. Опасность может превратиться из малозначительной в более значительную. Например, если человек оказался в закрытом неотопляемом помещении в условиях теплой погоды, то угрозы его жизни и здоровью нет, возможно, есть вероятность причинения лишь гражданского вреда, если же резко похолодало, то может возникнуть угроза жизни и здоровью. В любом случае опасность вредоносна. Опасность одновременно может угрожать охраняемым благам различных отраслей права. Однако справедливо возникает вопрос, можно ли считать опасностью причинение ее источником лишь гражданско-правового вреда. В современном ГК РФ на него нет прямого ответа, поскольку речь идет об опасности в виде «угрозы самому причинителю вреда или другим лицам» без указания на характер этой угрозы. Думается, в ГК РФ имеется в виду опасность вообще, которая предусмотрена и уголовным, и административным законом. Опасностью следует считать также причинение существенного гражданско-правового вреда, хотя наиболее оправдано усматривать ее в возможности причинения какого-то существенного вреда самой личности, ее жизни, здоровью. Именно поэтому институт крайней необходимости характерен в большей степени для правового регулирования уголовного права, которое охраняет соответствующие общественные отношения. В любом случае гражданско-правовой вред должен быть возме-

щен – это правило универсально для всех видов противодействия в условиях различной опасности при крайней необходимости. Даже несущественные гражданско-правовые вредоносные последствия гражданской самопомощи в условиях крайней необходимости должны быть компенсированы либо самим защищающимся, либо третьими лицами, в чьих интересах он действовал.

Различие в понимании необходимой обороны и крайней необходимости уже неоднократно становилось предметом рассмотрения в науке гражданского права¹. Думается, ключевым отличием следует считать источник опасности, которым при обороне не может быть, например, животное или силы природы, то есть гражданско-правовой вред при необходимой обороне от уголовно наказуемого посягательства или пресекательной оборонительной самопомощи от гражданского деликта должен быть связан исключительно с противодействием посягательствам со стороны людей. Такой вред не подлежит возмещению. Причинение вреда при крайней необходимости связано с устранением различных источников опасности, не связанных напрямую с посягательством человека, но характер возникающей опасности в реальной жизненной ситуации достаточно сложно определить самозащищающемуся лицу. Разобрать юридические последствия защиты можно будет уже после отражения опасности, в частности установить, будет ли возмещаться причиненный вред в гражданско-правовом порядке. Как известно, необходимая оборона освобождает от компенсаций, а крайняя необходимость нет. Различные неуправляемые нападения на человека со стороны животных следует относить к наиболее типичным случаям крайней необходимости, которые часто в дореволюционной юридической литературе входили в широкое понятие самообороны гражданского права (от различных наличных нападений), противопоставляемой дозволенному самоуправству². Думается, слово «оборона» всегда должно касаться противодействия нападению со стороны людей, поэтому в современном праве неуправляемое человеком отражение нападения животных не следует именовать какой бы то ни было самостоятельной обороной (необходимой обороной или оборонительной самопомощью). Данный случай может быть расценен именно как устранение опасности в условиях крайней необходимости. Если будет причинен несущественный вред имуществу других лиц при такой защите, то

это станет мерой пресекающей самопомощи в состоянии крайней необходимости. Если будет причинен уголовно наказуемый вред, то в целом ситуация будет регулироваться нормами УК РФ, гражданское право при этом регламентирует лишь компенсационные последствия.

При необходимой обороне или оборонительной самопомощи, когда посягательство на право совершается со стороны людей, воздействие осуществляется в отношении самого нарушителя – человека, а при крайней необходимости – третьих лиц. Например, хищный зверь при транспортировке убежал и напал на человека, тот его застрелил, чем причинил вред, определимый стоимостью животного, его владельцу. Другой пример: человек оказался случайно запертым в чужом помещении, из которого не может выбраться. Сломав дверь, он причинил вред владельцу помещения, который мог и не знать, что в данный момент возникла опасность случайного заточения. Такой вещный правообладатель является потерпевшим, как, впрочем, и человек, оказавшийся в заточении. Как видим, потерпевшим становится совершенно непричастный к ситуации создания опасности субъект гражданского права. Слом двери в указанном примере должен быть единственно возможным выходом из ситуации, чтобы признать такие действия крайней необходимостью. Если в помещении был источник связи с внешним миром или другой открытый выход, а лицо предпочло взломать дверь, то такое действие не оправдано с позиции квалификации его как крайней необходимости, но было бы таковым, если бы началось задымление помещения и пожар. Не обязательно в случае пожара искать запасной выход, даже если он и наличествует: в этой ситуации допустимо выбить дверь или разбить стекло, поскольку человек действует в состоянии смертельной опасности, а любой имущественный вред оправдан для спасения жизни.

В одних случаях причинение вреда может быть необходимой мерой предотвращения опасности, тогда как в других способно выступать лишь сопутствующим явлением, которое могло наступить, а могло и не наступить. Однако возможность причинения вреда при предотвращении опасности в состоянии крайней необходимости всегда осознается лицом, предпринимающим те или иные меры. При любом положении обязательным является одно условие: вред причиненный должен быть менее значи-

тельным, чем вред предотвращенный. Гражданское право не может позволить безвозмездно обеспечивать свой частный интерес путем жертвования чужим интересом, который пусть и менее значим, чем интерес лица, действующего в состоянии крайней необходимости. Частное право со времен его появления как системного образования в Древнем Риме строится на максимальном равновесии интересов юридически равных лиц. Если такое равновесие нарушается, а оно непременно нарушится даже при наличии возможности совершения подобных действий в случае присутствия по факту равных интересов (вред предотвращаемый должен быть обязательно больше, чем возможный вред в результате бездействия), то это ведет к устранению права как регулятора подобных отношений, они становятся саморегулируемыми. Частное право должно поддерживать баланс интересов субъектов.

Нормы о крайней необходимости позволяют получить компенсацию со стороны лица, в интересах которого предпринимались действия. В остальном же само по себе нарушение чужого интереса влечет необходимость загладить причиненный вред. В этом смысле действие в состоянии крайней необходимости существенно не отличается от последствий деликта. Разница состоит только в природе необходимости загладить причиненный вред: в случае деликтного обязательства вред возмещается как форма гражданско-правовой ответственности, а при крайней необходимости эта обязанность является компенсационной.

Итак, если при необходимой обороне вред причиняется непосредственно нападающему, то при крайней необходимости – третьему лицу. Отсюда вытекают и различные гражданско-правовые последствия. Поскольку причинение вреда в состоянии необходимой обороны вызывается виновными действиями самого нападающего, этот вред возмещению не подлежит. При крайней необходимости существует третье лицо, которому причинен вред невиновно и чей интерес нарушен. Поэтому общий принцип, закрепленный в ст. 1067 ГК РФ, определяет обязанность возмещения такого вреда, хотя сами действия его причинителя в данном случае признаются правомерными. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости есть уникальный случай, предусмотренный ч. 3 ст. 1064 ГК РФ: закон допускает возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. Однако с позиции уголовной наказуемости деяний, совер-

шенных в крайней необходимости, вопрос об их правомерности с давних пор являлся дискуссионным. Действия в крайней необходимости в целом могут быть наказуемы уголовно, когда речь идет о превышении ее пределов.

В отношении тех случаев крайней необходимости, когда лицо действует не в собственных интересах, а в интересах третьих лиц, закон лишь указывает, что суд может возложить обязанность возмещения вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или в части как это третье лицо, так и причинившего вред³. Между В.П. Грибановым и Н.М. Малеиным возникла дискуссия о том, следует ли зафиксировать в законе обязательность возмещения вреда тем лицом, в интересах которого действовали в состоянии крайней необходимости. Н.М. Малеин справедливо полагает, что в законе должно быть установлено, что суд «должен», а не «может» возложить обязанность возмещения вреда на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда. Если исходить из того, что действительно предотвращенный вред больше, чем причиненный, то несправедливо ставить под сомнение возможность подобной компенсации – это снижает уровень гражданской активности⁴ субъекта (у него может возникнуть закономерный вопрос, зачем создавать для себя лишние проблемы). Учитывая наличие определенного судебного усмотрения, такое жесткое правило наиболее разумно: причиненный вред во всех случаях обязано возместить лицо, чей интерес охранялся. В.П. Грибанов выступает против такого подхода. Он считает, что установление правил о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, должно преследовать три цели:

- 1) обеспечить возмещение вреда потерпевшему лицу;
- 2) побудить лицо действовать в условиях крайней необходимости решительно в целях защиты государственного и общественного интереса, спасения жизни и имущества граждан;
- 3) не допускать необоснованного причинения вреда и обеспечить выбор лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, таких средств, которые минимальным образом отражались бы на интересах третьих лиц, иначе говоря, стимулировать не только решительность, но и известную осмотрительность в выборе средств устранения опасности.

Третья цель, по мнению В.П. Грибанова, не может быть достигнута, если действовать в рамках подхода, предложенного Н.М. Малеиным. Позволим с этим не согласиться. Контраргумент при этом таков: в сложных жизненных ситуациях, когда причиняется серьезный вред имуществу, лица не будут вообще заинтересованы в совершении защитительных действий на том основании, что не будут уверены в компенсационных механизмах.

Если лицо действует в состоянии крайней необходимости, то весьма затруднительно ставить вопрос еще и о выборе наиболее оптимального средства поведения. В экстремальной ситуации, которая как раз и характерна для таких случаев, неправильно ставить под сомнение выбор средства реагирования. В.В. Меркурьев приводит такой пример: водитель во избежание наезда на выбежавшего на проезжую часть ребенка резко разворачивает автомобиль и разбивает дорогостоящую витрину магазина, хотя теоретически он мог бы свернуть в другую сторону, а не причинить материальный ущерб владельцу магазина⁵. Если придерживаться одновариативного подхода к причинению вреда при крайней необходимости, надо привлекать такого водителя к уголовной ответственности за умышленное уничтожение чужого имущества. Очевидно, что такое решение вряд ли приемлемо. Думается, что в вопросе гражданско-правовой компенсации за подобные действия лица в ситуации крайней необходимости, по аналогии с уголовным правом, одновариативный подход применяться не может – должен действовать правовой механизм, подобный механизму действий лица без поручения. Правила действий лица без поручения предполагают, что эти действия должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы действительных или вероятных намерений заинтересованно лица и с необходимостью и осмотрительностью. В этом случае лицо, действующее без поручения, имеет право на компенсацию. Правовой статус такого лица более выгоден по сравнению с лицом, действующим в состоянии крайней необходимости. Он также может причинить вред третьим лицам, и такой вред должен быть возмещен заинтересованным лицом, однако подход законодателя в вопросе компенсации более выгоден для лица, действующего в чужом интересе, нежели для субъекта, действующего в состоянии крайней необходимости. Его правовой статус в вопросе получения компенсаций за свои дей-

ствия более защищен. Если оставить законодательный подход в нынешнем виде, то у субъекта, действующего в состоянии крайней необходимости в пользу третьего лица, не будет уверенности, что вред будет возмещен самим третьим лицом, у него останется только моральная мотивация при отсутствии четкой имущественной, а это отрицательно сказывается на гражданско-правовой активности субъектов, создает неуверенность в их имущественных действиях, тем более в крайних жизненных ситуациях. Отсутствие четкой имущественной мотивации идет не на пользу гражданским правоотношениям в данном случае, поскольку может оказаться, что имущество будет уничтожаться и никто не предпримет даже элементарных действий по его спасению.

Гражданское право, в отличие от уголовного, абстрагируется от субъективных и объективных мотивов поведения в состоянии крайней необходимости, главное при этом – наличие факта причинения вреда, но причинение вреда в состоянии наличной и реальной опасности не может быть противоправным, то есть сами действия правоприменителя следует оценивать как правомерные с позиции любой отрасли права, поскольку они считаются дозволенными правом. Именно явление наличной опасности обладает способностью создавать столкновение правоохраняемых интересов и порождать у причинителя вреда состояние крайней необходимости, при котором сохранение одного интереса может быть достигнуто лишь путем нарушения другого. Таким образом, состояние крайней необходимости обусловлено внешним воздействием (наличной и реальной опасностью), когда причиняется вред интересам лиц, не связанных с созданием такой опасности. Однако в самом создании ситуации крайней необходимости могут быть виновны и иные лица, с которых в регрессном порядке лицом, действовавшим в состоянии крайней необходимости, может быть взыскан вред, причиненный третьим лицам.

Необходимо в гражданское законодательство ввести отдельную норму, которая бы освобождала от компенсаций лицо, действовавшее в состоянии крайней необходимости, в случае наличия субъекта, виновного в создании такой опасности, причем напрямую, минуя регрессный порядок привлечения к ответственности. В настоящее время закон закрепляет, что суд может, учитывая обстоятельства, при которых был причинен вред, освободить от его возмещения

полностью или частично как третье лицо, так и причинившего вред. Необходимо в нормах гражданского права, регулирующих компенсационный механизм последствий крайней необходимости, напрямую установить такую обязанность, которая будет являться специальным правилом, имеющим свою объективную составляющую, по сравнению с общим механизмом деликтного обязательства. Компенсационный механизм гражданского права исходит из того, что субъект, который получил положительный эффект от крайней необходимости, только в силу этого и должен заглаживать причиненный вред. Несмотря на дозволенность, а следовательно и формальное отсутствие противоправности действий в состоянии крайней необходимости, в результате таких действий причиняется вред субъективным гражданским правам другого лица, поэтому, с другой стороны, здесь наличествует противоправность, которая перекрывается нормами, позволяющими данное поведение. Для гражданского права главным образом необходимо установить сам факт крайней необходимости. Обязать возместить вред следует виновного в создании ситуации, при которой лицо вынуждено действовать в состоянии необходимости, однако соответствующей прямой нормы в ГК РФ нет. Ситуация опасности и крайней необходимости может возникнуть из форс-мажора. Закрепление в законе положения, позволяющего обязать субъекта, виновного в создании ситуации крайней необходимости, заглаживать причиненный вред, обеспечило бы еще большие гарантии субъекту в ситуации опасности.

Таким образом, правомерность односторонних правозащитных мер в состоянии крайней необходимости обусловлена явлением опасности, которая является внешним фактором, лежащим в основе возникновения права на причинение вреда. Однако действия в состоянии крайней необходимости нельзя признать и общественно полезными, поскольку вред причиняется третьим лицам. Кроме того, если действия в состоянии крайней необходимости совершены в соответствии с законом, то есть не превышены их допустимые пределы, то такие действия следует считать правомерными. Возникает вопрос о самой критерии оценки интересов. Он очень сложный и для науки уголовного права. Если имущественный интерес всегда достаточно легко сравнить с другим имущественным интересом, то сравнить интерес жизни одного человека и другого, да даже нескольких жизней с интересом одной

жизни, решить, каким интересом можно пожертвовать, однозначно сложно не только для права, но и для философии. Правомерность при крайней необходимости оценивается исходя из критерия причинения вреда, меньшего по объему, чем предотвращенный. Кроме того, если проанализировать цель такого поведения субъекта, что важно не для компенсационных моментов, а только для выявления самого случая крайней необходимости, то правозащитное поведение субъекта в пользу третьего лица в состоянии необходимости является актом если не социально полезным в силу жертвы интересом другого частного лица, то социально положительным. Другой важный аспект в поведении защищающегося субъекта – это его внутренняя воля. В момент совершения правозащитных действий в состоянии крайней необходимости внутренняя воля сформирована под воздействием внешнего фактора (объективных обстоятельств), следовательно, ее нельзя назвать исключительно внутренней. По подобному основанию в гражданском праве можно признать сделку недействительной, совершенной с пороком воли. Данный порок воли в причинении вреда в состоянии необходимости как раз указывает на отсутствие субъективной составляющей в содеянном. В гражданском праве критерий противоправности определяется не субъективным критерием в поведении субъекта (он является всего лишь элементом, условием гражданско-правовой ответственности), а фактом причинения вреда охраняемым благам другого лица. Гражданское право в силу необходимости сохранения баланса интересов частных лиц допускает возможность жертвовать чужим интересом, меньшим по значению, ради предотвращения большего вреда. Дозволенность подобных действий определяется также явлением опасности,

которая может носить длительный характер. Необходимо учитывать публично-правовой механизм крайней необходимости, поскольку он имеет прямое отношение к гражданско-правовым последствиям. Наука гражданского права не должна игнорировать положения уголовного права, касающиеся понимания опасности и необходимости причинения вреда в тех или иных ситуациях. Эти состояния могут быть разными: в одних существует угроза только для имущественных интересов субъектов, и последние жертвуют чужим имуществом ради спасения своего, в других спасается собственная жизнь или жизнь другого лица ценой жертвы меньшим имущественным интересом. Такое явное превалирование спасаемого интереса не безразлично для общества, то есть публичного интереса, следовательно, гражданское право также должно поощрять механизмы односторонних действий, которые способствуют явному спасению большего интереса посредством жертвования меньшим. Справедливо, что при нарушении публичного интереса нарушается одновременно и частный интерес, при спасении публичного интереса (жизнь человека) обеспечивается и частный интерес. Односторонние правозащитные меры в состоянии крайней необходимости относятся к форме самозащиты во внедоговорных отношениях. В материально-правовом смысле к правозащитным мерам гражданского права в условиях крайней необходимости относятся только такие, которые причиняют незначительный гражданско-правовой вред третьим лицам, но их можно лишь условно отделить от мер, при которых причиняется уголовно или административно охраняемый вред. Все указанные меры являются мерами самозащиты в условиях крайней необходимости.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тархов В.А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996. С. 57.

² См.: Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1910. Т. 1: Введение и общая часть. С. 605.

³ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 131.

⁴ См.: Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики). Уфа, 1993. С. 3.

⁵ См.: Меркурьев В.В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С. 310.

¹ Sm.: Tarhov V.A. Grazhdanskije prava i otvetstvennost'. Ufa, 1996. S. 57.

² Sm.: Annenkov K. Sistema russkogo grazhdanskogo prava. SPb., 1910. T. 1: Vvedenie i obshhaja chast'. S. 605.

³ Sm.: Gribanov V.P. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. M., 2000. S. 131.

⁴ Sm.: Rybakov V.A. Problemy formirovanija grazhdansko-pravovoj aktivnosti (voprosy teorii i praktiki). Ufa, 1993. S. 3.

⁵ Sm.: Merkur'ev V.V. Zashhita bezopasnosti cheloveka i ego zhiznedejatel'nosti. M., 2006. S. 310.